

Latin Language in Gregory Skovoroda Epistolary Heritage

Olga Kudinova¹

Abstract: The article deals with the linguistic personality of one of the largest thinkers of the XVIII century Gregory Savich Skovoroda (1722-1794). The functioning of Latin language in his epistolary heritage is analyzed. The attention is drawn to the role and the value of Latin language in the reflection of moral and ethical principles of Ukrainian poet-philosopher. The general importance of Latin language as the important component of his creative work is also argued. It was shown that the use of the Latin language is due to pragmatic, socio-cultural, psychological factors.

Keywords: Gregory Skovoroda; epistolary genre; self-knowledge; Michael Kovalinsky; personal correspondence; moral and ethical principles

Философ, просветитель, гуманист, мыслитель, переводчик и поэт Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) является выдающейся фигурой не только в украинской, но и во всей восточнославянской культуре. Его эпистолярное наследие, большая часть которого, в духе гуманистической традиции, написана на латинском языке, является выражением своеобразных морально-этических принципов автора, отражающих состояние философской и культурной жизни Украины второй половины XVIII века.

Анализ Сковородианы XX–XXI веков показывает, что латиноязычные произведения мыслителя пока не получили должного внимания отечественных и зарубежных языковедов. Более того, латынь, «несомненно наложившая отпечаток и на мировоззрение Сковороды, и на его поведение, и на стиль», некоторыми критиками «многokrato предевалась анафеме» (Barabash, 1989, p.33) послужив, например, украинскому писателю и критику П.Кулишу поводом для упреков в «небрежении родным словом» («слово рідне занедбав», «з рідним словом розлучився» (Barabash, 1989, p. 34), а русскому философу и переводчику Г.Шпету – в том, что, «чрезмерно пропитавшись библейской мудростью», философ «засыпает глаза и уши читателя [...] библейским песком» (Loschyts, 1972, p. 199).

¹ PhD, Associate Professor, Izmail State Liberal Arts University, Ukraine, Address: 12 Repin St., Izmail, Odessa Oblast, Ukraine, 68611, Tel: +380501359849, Corresponding author: iaolechka@mail.ru.

Самыми репрезентативными на сегодня лингвистическими работами являются защищенная более 60 лет назад диссертация Н.Корж, исследующая функциональные особенности латинского языка в творчестве Г.Сковороды (Korzh, 1955), которая посвящена рассмотрению функциональных особенностей латыни того времени, и научная статья современной украинской исследовательницы Л.Шевченко-Савчинской «Украино-латинский билингвизм и степень его проявления в латиноязычных произведениях Г.Сковороды», анализирующая стиль произведений «украино-латинского билингва» и взаимовлияние этих языков в его текстах на основе грамматико-синтаксического анализа. Выясняя специфику тогдашнего языкового разнообразия, исследовательница предполагает учет когнитивного аспекта и напоминает, что «в староукраинский период считалось, что причины вещей можно узнать средствами совершенного языка (эхо мифологических представлений о том, что узнав имя, овладеешь предметом)» (Shevchenko-Savchinska, 2013). В этом факте она видит причины «повышенного» внимания Г.Сковороды к слову и его внутренней форме, а также попытки «постичь глубины содержания через этимологизирование, потребность сопоставлять слова разных языков – славянских, классических и новых европейских» (Shevchenko-Savchinska, 2013). Полемизируя с Л.Гнатюком (Gnatyuk, 2004.), автор статьи утверждает: «С точки зрения языкового сознания Г. Сковороды, которое в значительной степени отражает и языковое сознание староукраинской элиты, язык его произведений – не хаос, как может показаться на расстоянии времени, тем более – без надлежащей филологической подготовки, а целостный социокультурный феномен» (Shevchenko-Savchinska, 2013).

Одновременно в данной работе констатируется сложившаяся в Сковородиане парадоксальная ситуация, когда «кириллическая» часть текстов (говоря о них, автор приводит суждение слависта и историка церкви Д.Чижевского, в соответствии с которым данные тексты написаны «чрезвычайно смелым, но мало привлекательным синтезом церковнославянской, русской и украинской лексики») удостоилась серьезных исследований таких ученых, как, например, М.Сумцов, Ф.Срезневский, Н.Костомаров, Г.Данилевский, Д.Багалец, И.Франко и др., а латинская составляющая художественного и эпистолярного наследия великого украинца, отражающая яркие особенности индивидуального стиля Г.Сковороды и содержащая тексты, с помощью которых «можно иллюстрировать курс нормативной грамматики латинского языка, до сих пор остаются без должного внимания» (Shevchenko-Savchinska, 2013). Таким образом, актуальной задачей современных латинистов является введение данной части наследия писателя в ключевые сюжеты сквородиноведения.

Необходимо отметить, что всесторонняя литературоведческая оценка характера художественной рецепции античности в творчестве Г. Сковороды,

традиции древнеримской лирики в творчестве украинского поэта, характеристика определенных элементов его новолатинской поэзии, а также оценка места среди новолатинских украинских писателей предпринималась в ряде монографий, очерков, научных и обзорных статей украинских и зарубежных ученых.

Так, вышеуказанная проблематика частично затрагивается в работе Е.М.Цыганок «Из истории латинских литературных влияний в украинской литературе XVI–XVIII вв.», в которой исследуются причины широкого распространения латыни указанного периода и делается вывод о том, что в мировоззрении украинских новолатинских авторов, к которым относится и Г.Сковорода, «античный мир сосуществует с пантеоном святых при признании преимущества последнего» (Tsiganok, 1999, p. 66).

В книге «Древняя литература: из плена стереотипов» Л.Шевченко-Савчинской и К.Балашова латынь позиционируется как эффективный путь проникновения в глубину веков и одновременно способ выражения высокой душевной чувствительности, а также коммуникативное средство, делающее возможным диалог с остальной Европой. Произведения новолатинских авторов, в числе которых и Г.Сковорода, акцентируются как органическая часть украинской литературы и культуры и признаются «весьма полезными для осмысления истории украинского духовного развития» (Shevchenko-Savchinska & Balashov, 2012, p.4). Авторы работы отмечают, что «латиноязычный эпистолярный Григория Сковороды изобилует афористическими высказываниями: «Cave has dieculas nugis insumas! [...] Tempore coelum, imo ipse deus emitur – Берегись эти дни тратить на пустое! [...] За время можно купить небо, даже самого бога»; «O vitae via dulcis, ubi bene conscia mens est! – О, сладкий путь жизни, когда совесть чиста!» и т.д.» (Shevchenko-Savchinska & Balashov, 2012, p. 8).

In tempore в указанном контексте является фундаментальный труд профессора Т.С.Шевчук, в котором исследуется нарративный прогресс художественного дискурса древнеримского поэта Горация в творчестве Г.Сковороды, анализируются причины и характер обращения украинского мыслителя к литературному наследию известного римлянина. Автор монографии видит такими причинами искреннее желание Г.Сковороды привить своим воспитанникам любовь к добродетели, научить совершенному владению латинским языком и основам поэтического искусства. Т.С.Шевчук выделяет следующие формы художественной рецепции Г. Сковородой лирики Горация: парафраз, художественная переработка, реминисценция, стилизация (пародия), аллюзия, свободная вариация. В монографии отмечается, что залогом почитания творчества древнеримского классика украинском поэтом стали близость философско-этических предпочтений, реализованных в идеологемах Горация *Laetus in praesens, Aurea mediocritas*,

Est modus in rebus, а также художественный вкус и непревзойденное поэтическое мастерство. Сопоставление латиноязычных текстов художников позволило исследовательнице выделить определенные дефиниции, содержащиеся в семантической нагрузке категорий Прекрасного и Полезного и выяснить, что для характеристики категории Прекрасного Гораций принимает прилагательное *dulcis* (сладкий, привлекательный, приятный), а Г.Сковорода – *pulcher* (красивый, благородный, изысканный); для определения же категории Полезного оба применили одинаковое понятие *utilis* (красный, пригодный, удобный). Таким образом, на эстетическом уровне понимание категории Прекрасного древнеримским классиком фокусируется на услаждении чувств и эмоций, а для украинского поэта преобладающим является «одушевленный и величественный эффект» эстетического воздействия художественного текста (Shevchuk, 2010).

Лингвостилистические особенности латыни в творчестве философа еще не были предметом основательного научного исследования. В современной украинской филологической науке подобные лакуны в сквородиноведении объясняются тем, что в советские времена «на пути к изучению латиноязычного наследия Сковороды стало нежелание признавать существование украинской шляхты и ее субкультуры, одним из языков которой была латынь» (Shevchenko-Savchinska, 2013). Однако и в настоящее время не прослеживается надлежащая научная заинтересованность латиноязычными произведениями украинского гения – несмотря на признание, что латынь является «органической частью не только его творчества, но и всего мировосприятия, наверное, даже жизни, судьбы» (Barabash, 2007). Однако «понимание писателя начинается с доброжелательного внимания к языку, на котором он изъясняется. Нежелание войти в строй этого языка немедленно влечет за собой и неуважение к самому автору» (Loschyts, 1972, p. 200). Поэтому мы полностью разделяем призыв о необходимости прекратить «промедление с исследованиями украинской неолатинистики», ибо «отказ от изучения языкового кода препятствует общему пониманию культуры, поскольку речь имеет огромное значение в ее формировании» (Shevchenko-Savchinska, 2013). Приведенные аргументы обуславливают актуальность выбранной темы исследования, которое не претендует на исчерпывающую полноту, но лишь способствует выработке определенной постановки проблемы, которая может стать одним из ключевых сюжетов сквородиноведения и оказать влияние на формирование новых парадигм филологического исследования творчества великого украинца. Наиболее оправданными подходами к данному исследованию являются семиотический, контекстуальный, герменевтический и лингвокультурологический, так как они предусматривают привлечение лингвистических и экстралингвистических данных, что обеспечивает

сохранение связи с культурным фоном эпохи, способствующее адекватному пониманию глубинной семантики текста.

Эпистолярные тексты Г.Сковороды представляют значительный интерес в контексте его лингвистических поисков, которые по сегодняшним меркам укладываются в рамки таких направлений, как философия языка, лингвострановедение и лингвокультурология. Данная работа ставит целью показать языковую личность Г.Сковороды прежде всего как латиноязычного писателя, продемонстрировать, что построенные на латыни коммуникативные стратегии и языковые тактики его эпистолярных текстов обусловлены конкретными прагматическими, социокультурными, психологическими факторами.

Г.Сковорода был превосходным знатоком латыни, а также римской литературы и культуры. Он часто прибегал к этому языку, считая его наиболее адекватным средством для выражения точных суждений. Во всех сочинениях мыслителя встречается значительное количество латинских терминов, которые призваны придать выражаемой мысли дополнительную строгость. Анализ текстов Г.Сковороды убедительно доказывает, что латиноязычный компонент является неотъемлемой частью его языковой культуры, вне зависимости от их жанровой принадлежности. Это подтверждается и статистическими данными о языковой структуре совокупности всех произведений философа, которые содержат следующие цифры: 88,4% составляют тексты, написанные книжным украинским либо церковнославянским языком, 11% – латиноязычные тексты, 0,6% – тексты, написанные на греческом языке. Что касается пожанрового распределения латыни, то в поэзии ей отводится 30,6%, а в интересующем нас эпистолярном жанре латинским языком написано 51,3% личной корреспонденции философа (Ushkalov, 2007).

Знание латыни и умение четко выражать на ней любые идеи и понятия, свойственное всем крупным ученым той эпохи, Г.Сковорода приобрел во время учебы в Киево-Могилянской академии. В этом заведении изучение латинского языка «носило менее всего умозрительный, менее всего схоластический, но ярко выраженный живой, активный характер» (Barabash, 1989, p.52). Киево-Могилянская академия дала украинскому философу «такую подготовку в древних языках, прежде всего в латыни, которая поставила его в ряд образованнейших людей того времени» (Barabash, 1989, p.51). Впоследствии украинский педагог совершенствует этот язык во время преподавательской деятельности и странствий по миру (кроме Киева и Москвы, он побывал в Польше, Венгрии, Австрии, а по некоторым косвенным свидетельствам, посетил также Пруссию и Италию). Г.Сковорода работал в Переяславском коллегииуме при духовной семинарии, продолжительное время был домашним педагогом в дворянских семьях,

читал лекции в Харьковском коллегиуме. Прогрессивные взгляды украинского педагога негативно отразились на его преподавательской карьере: он трижды отстранялся руководством и после работы в Харьковском коллегиуме к официальной педагогической деятельности больше не возвращался. Став странствующим философом-богословом, скитался по Малороссии, Приазовью, Слободской, Воронежской, Орловской, Курской губерниям, а также Области Войска Донского в Ростове. «Превратившись в ходячий Коллегиум, он давал такие советы и такую науку своим слушателям, какие едва ли можно было получить в самом Коллегиуме» (Losev, 2003), благодаря чему сумел воспитать «целую плеяду» государственных деятелей (Коваленский, Вишнеvский, Томара). Своей целью украинский педагог ставил воспитать гармоничную личность, не заботясь о том, будут ли его воспитанники «образцовыми подданными» императора.

Философ общается с людьми из разных слоев общества: дворянами, помещиками, купцами, казаками, художниками, служителями церкви, студентами. Один из харьковских студентов-богословов М.Коваленский (1745–1807) становится его ближайшим учеником и другом, а впоследствии и главным биографом (именно ему Сковорода перед смертью передает все свои рукописи, ни одна из которых до этих пор не была опубликована). М.Коваленский учился в Харьковском коллегиуме, а потом в 1766–1769 гг. в нем же преподавал поэтику. Г.Сковорода познакомился с ним в 1762 г. и их дружба продлилась до конца жизни. Исследователи отмечают, что «устоявшиеся представления об образе мыслителя сформированы именно через призму восприятия этого человека» (Shevchuk, 2010, p. 11), а «точные характеристики последнего и бесценные свидетельства биографического порядка «канонизировали» портрет мыслителя для потомков» (Shevchuk, 2010, p. 22)

Ab epistulis зримо определяется круг общения Г.Сковороды, источники вдохновения, интеллектуальные влияния, контексты творчества, образ жизни, морально-этические принципы. Сохранившаяся личная переписка философа состоит из 125 писем, из которых 79 адресованы М.Ковалинскому, 14 – Я.Правицкому, а также писем другим известным и неизвестным личностям. Основное содержание латинского эпистолярия составляют морально-этические идеи и наставления, а чисто биографические и бытовые детали занимают незначительное место. «Здесь впервые четко сформулированы нравственные максимы, которые Сковорода выстрадал и которым остался верен до конца жизни» (Barabash, 1989, p.99). Приведем некоторые из них на языке оригинала: «Per me licet aliis curare aurum, honores, Sardanapalorum mensas et vulgares voluptates, popularem auram sive gloriam et magnatum favorem: obtineant sibi hos, ut putant, thesauros, non invideo. Modo mihi contingant spirituales divitiae et animi panis [...]!» – По мне, пусть другие заботятся о золоте, о почестях, о Сарданапаловых пирах и низких

удовольствия, пусть ищут они народной благосклонности, славы, ласки вельмож; пусть получают они эти, как они думают, сокровища, – я им не завидую, лишь бы я имел духовные богатства и хлеб духовный!» (Skovoroda, 1973, p. 384); «Imitare igitur palmam, quae quo gravius petrae avulsae saxo premitur, eo procerius pulchriusque sursum erigitur.» – Бери же пример с пальмы: чем сильнее ее сжимает скала, тем быстрее и прекраснее поднимается она вверх (Skovoroda, 1973, p. 222); «[...] Inquam, quotidie aiiquid, velut in stomachum, vocabulum aut sententiolam in animum injice, ac ceu igni alimentum paulatim appone, ut alatur et crescat animus, non obruatur.» – Обязательно и именно ежедневно, подбрасывай, как в желудок, слово или выражение в душу, и, как в огонь, подбрасывай понемногу топлива, чтобы душа питалась и росла, а не подавлялась. (Skovoroda, 1973, p. 222).

В личной переписке ярко проявляется воспитательная миссия педагога, которая основана на обращении к постулатам классических источников античных авторов, библейских притч и фразеологизмов, являющихся константным *argumentum ad antiquitatem* его эпистолярных текстов, *exempli gratia*: «In omnibus modus optimus» – Во всем лучше соблюдать меру (Skovoroda, 1973, p.219), «Sed accipe, o carissime, verba die s. Spiritus» – Но вот тебе, мой дорогой, слова про день св. Духа (Skovoroda, 1973, p.218), «Aristoteles haec dixerit: «Homo solitarius aut bestia est fera, aut deus»» – Аристотель вот что сказал: «Одинокий человек – либо дикий зверь, либо бог» (Skovoroda, 1973, p. 230). Важной нарративной стратегией является также обращение к мудрости современников: «Accipe, mi amicissime, quod heri didici inter colloquendum a rss. eruditissimo nostro praefecto, cum sermo incidisset de improborum machinatione [...]: Neque dolos suere, neque sanguine manum polluere, Mendacia non dicere, et vera omnia dicere.» – Послушай, мой милый, что я вчера услышал в разговоре с нашим преподобным наиученейшим префектом, когда речь шла о коварстве неправедных [...]: Не плести интриг, не осквернять рук кровью, Не лгать и говорить всю правду (Skovoroda, 1973, p. 332).

В письмах Г.Сковороды М.Ковалинскому и другим воспитанникам и приятелям, написанных в лучших классических традициях эпистолярного жанра, постоянно звучит призыв упражняться в устной и письменной латыни: «Quis enim nascitur artifex? Usus per errores ducit nos ad elegantiam scribendi.» – Кто ж рождается художником? Опыт через ошибки ведет нас к элегантности письма (Skovoroda, 1973, p. 228). Также многочисленны морально-этические поучения автора, озвучивающие тему самопознания и совершенствования: «Non possunt enim non veneratione prosequi eum, quem conspiciunt virtutis esse domicilium, ubi enim virtutis amor, ibi majestas sit oportet.» – Нельзя ведь не уважать того, в ком видишьместилище добродетели; ведь где любовь к добродетели, там должно быть достоинство (Skovoroda, 1973, p. 220); «Ex nimio nascitur satietas, ex satietate taedium, e taedio aegritudo animi, et quisquis

ista parte laborat, sanus dicendus non est. Nullum autem tempus ineptum est ad bonarum literarum studium, et qui modice, sed perpetuo discit praesenti et venturae vitae pro futura, huic discendi non est labor, sed voluptas.» – Избыточность порождает пресыщенность, пресыщенность – скуку, скука же – душевную грусть, а кто ею болеет, того нельзя назвать здоровым. Нет времен, непригодных для занятий полезными науками, и кто умеренно, но постоянно изучает предметы, полезные как в этой, так и в будущей жизни, тому обучение – не труд, а удовольствие (Skovoroda, 1973, p. 221); «Quorsum haec? Quia nisi toto pectore amaveris bonas literas, frustra fit omnis labor: alioquin amor in medio etiam otio inquirat meditaturque, et cum maxime abstrahitur, tum propensissime ad discendum fertur.» – Почему так? Потому что, если не любить всей душой полезные науки, то всякий труд будет напрасным: в конце концов, любовь, даже при бездействии, исследует и размышляет, и чем больше абстрагируется, тем сильнее стремится к занятиям. (Skovoroda, 1973, p. 221). Тексты личной переписки украинского мыслителя убедительно раскрывают не только идейную, но также экзистенциальную составляющую его творчества, *exempli gratia*: «Sed vis clarius ostendam meum animum? Accipe: omnia relinquo et reliqui, hoc solum per omnem vitae cursum acturus, ut intelligam, quid sit mors Christi, quid significat resurrectio. Narn nemo potest surgere cum Christo, nisi prius cum eodem moriatur.» – Но ты хочешь, чтобы я яснее показал свою душу. Пожалуйста: я все оставляю и оставил, чтобы в течение всей своей жизни достичь только одного: понять, что такое смерть Христа и что означает его воскресение (Skovoroda, 1973, p. 383).

Ученики Г.Сковороды в результате этой переписки приобретали основательные познания в латинском языке, приучаясь не только свободно писать и говорить, но и думать по-латыни, что подтверждают их многочисленные комментарии и приписки на оборотах писем, отражающие духовные размышления адресатов великого мыслителя. Латинские письма наставника стали для них настоящей школой стилистики, источником пополнения латинской образованности, повлиявшим на формирование собственных морально-этических принципов. Недаром один из постулатов философии образования утверждает, что «все великие и выдающиеся педагоги, как правило, были одновременно известными философами и, наоборот, – практически каждый крупный философ, как правило, завершал «строительство» своей философской системы этикой, главное содержание которой составляли учение о морали, теория образования и воспитания» (Andrushchenko & Peredborska, 2009, p. 7).

Яркой лингвopsихологической характеристикой латинской переписки Г.Сковороды является эмотивность, отражающая эмоционально выраженную прагматику языка, т.е. отношение к действительности или к адресату сообщения и охватывающая совокупность языковых средств, приводящих к эмоциональному эффекту и вызывающих атмосферу *cor ad cor loquitur*.

Средства эмоциональной аргументации включают разнообразные смыслы: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Эмоционально выраженная прагматика в эпистолярной философии эксплицируется в несколько основных лексико-синтаксических групп:

1) Субъективную оценку выражают суффиксы превосходной степени, часто в сочетании с притяжательными местоимениями в вокативе, например: «Adolescens omnium dulcissime» – Самый приятный из всех юноша (Skovoroda, 1973, p. 218); «Pretiosissime mi!» – Мой драгоценнейший (Skovoroda, 1973, p. 218); «Michaël mellitissime!» – Михаил наилучший! (Skovoroda, 1973, p. 224); «Desideratissime mi Michaël!» – Наилужданнейший мой Михаил! (Skovoroda, 1973, p. 239).

2) Оценка заключена в переносном значении слова, *exempli gratia*: «Crede mihi, mi anime» – Поверь мне, душа моя (Skovoroda, 1973, p.218); «Vigor studiorum meorum» – Сила исследований моих (в обращениях – О.К.) (Skovoroda, 1973, p. 227); «Vale mi philomuse!» – Будь здоров, мой любитель муз! (Skovoroda, 1973, p. 229); «Ostende jam nunc in tenella aetate, ut appareat te catulum non porci, sed leonis, pullum columbinum, aut aquilinum esse, non vespertilionis [...]» – Показывай уже теперь, в нежном возрасте, что ты являешься детенышем льва, а не свиньи, птенцом голубя либо орла, а не совы [...] (Skovoroda, 1973, pp. 230-231); «Vale, mihi carissimum caput, ac serpentinam prudentiam para, conjuncturus cum columbina simplicitate.» – Будь здоров, дорогая мне головушка, соединяй змеиную мудрость с голубиной простотой (Skovoroda, 1973, p. 241).

3) В самом значении слова заключен элемент оценки, как, к примеру: «miseratio tui» – тоска за тобой (Skovoroda, 1973, p. 218); «trepidem» – боюсь (Skovoroda, 1973, p. 218); «me timore puerili esse victum» – я поддался детскому страху (Skovoroda, 1973, p. 218); «Salve, mea unica voluptas» – Здравствуй, моя единственная радость (Skovoroda, 1973, p. 224); «Tui amantissimus Greg[orius] Sabin» – Очень любящий тебя Григ[орий] Саввич (Skovoroda, 1973, p. 226).

4) Эмоционально выраженная прагматика вербализируется в форме междометий: «O utinam rectus introspiceres!» – О, если бы ты мог заглянуть в мое сердце! (Skovoroda, 1973, p. 218); «Ah non is sum» – О, я не такой (Skovoroda, 1973, p. 222); «Deum immortalem! quam commendat amicitiam!» – Безсмертный Боже! Как он описывает дружбу! (О Плутархе – О.К.) (Skovoroda, 1973, p. 245); «O impudentem postulationem!» – О бесстыдное требование! (Skovoroda, 1973, p. 233); «Sed age! accingamur ad hoc quoque musis fortunantibus.» – Ну что ж! Примемся за это дело с помощью муз (Skovoroda, 1973, p. 233).

5) Характерными средствами выражения эмоций являются риторические вопросы, шутливые или иронические восклицания и пожелания: «Faxit Iesus» – Пусть пошлет Иисус (Skovoroda, 1973, p. 219); «Mi Michaël, gaude in domino!» – Мой Михаил, радуйся в Господе! (Skovoroda, 1973, p. 221); «Tu arrige aures!» – Наставь уши! (Skovoroda, 1973, p. 240); «O nugonem!» – О, какой я болтун! (Skovoroda, 1973, p. 240); «Sed pax!» – Но заключим мир! (Skovoroda, 1973, p. 240); «Sed utinam, mi Michaël, tanta apud nos copia sit bonorum hominum, quanta ciborum!» – О, если бы у нас, мой Михаил, было так же много хороших людей, как хорошей еды! (Skovoroda, 1973, p. 251); «Quid igitur faciendum?» – Что ж делать? (Skovoroda, 1973, p. 251); «O felicitate ipsa fortunatiorem, quisquis haec sibi paravit! Quid enim suavius animo spurcis vulgaribusque cupiditatibus non turbato? Quid mente terrenis cogitationibus pura beatius, quae deum illum cernit?» – О, счастливейший из счастливых тот, кто обеспечил себе это! Что может быть желаннее души, которую не тревожат нечистые и низменные страсти? Что блаженнее очищенного от земных помыслов ума, который видит самого бога? (Skovoroda, 1973, p. 254).

Латинский язык в эпистолярном и художественном наследии Г.Сковороды представляет проблемное поле, затрагивающее важные вопросы лингвокультурологического и чисто лингвистического характера и убедительно демонстрирующее, что латынь для него – это неисчерпаемый источник развития новых выразительных возможностей. Его тексты объективно отражают языковую ситуацию в истории функционирования латинского языка в речевой культуре украинского общества второй половины XVIII века, которая является важной теоретической проблемой в истории развития этого древнего языка. Необходимо отметить, что в произведениях философа украинскими исследователями-латинстами (Shevchenko-Savchinska, 2013) уже были обнаружены некоторые синтаксические отступления от правил латинского языка классического периода, среди которых: употребление с предлогом *ablativus qualitatis* (творительный качества), например: «Alioquin amor in medio etiam otio inquirat meditaturque» – В конце концов, любовь, даже при бездействии, исследует и размышляет (Skovoroda, 1973, p. 219); употребление творительного с предлогом *ex* вместо *genetivus partitivus* (родительный разделительный, употребляющийся для обозначения целого, из которого выделяется лишь часть): *Habes multos ex condiscipulis, qui admoneant, siquid dubites* – Ты имеешь многих (среди) товарищей, которые посоветуют, если ты в чем-то уверен (Skovoroda, 1973, p. 244). (Сравним это употребление с классическими нормами латыни, взяв для примера цитату из «*Commentarii de Bello Gallico*» Ю.Цезаря: «*Gallorum omnium fortissimi sunt Belgae*» – Самые храбрые из всех галлов – бельги). На русский и украинский языки этот «родительный целого при части» действительно переводится с использованием предлогов «из», «между», «среди», что, на наш взгляд и обусловило языковую стратегию Сковороды,

обнаруживая таким образом влияние родного синтаксиса на латинский субстрат.); увеличение количества причастий в роли сказуемого, что объясняется усилением тенденции к аналитическим формам, которые получают более широкое распространение в сравнении с синтетическими, что является универсальным явлением для средневековой латыни, например: «at cum absens factus est» – но когда он становится отсутствующим (Skovoroda, 1973, p. 219) и т.д.

К вышеизложенному добавим и другие языковые манифестации текстов эпистолярного жанра Г.Сковороды, которые отражают изменения как синтаксического, так и морфологического порядка:

– частое отсутствие в предложении глагола-связки *esse*, являющегося необходимым в классическом латинском языке: «*Difficilia pulchra.*» – Прекрасное тяжело (Skovoroda, 1973, p. 220); «*Magnificus amor virtutis*» – Величественна любовь к добродетели (Skovoroda, 1973, p. 220);

– утрата разницы в употреблении указательных местоимений *is, ea, id* (в классическом языке означающих «этот, тот») и *hic, haec, hoc*, (в переводе с античной латыни – «последний упомянутый»), что являлось частью общей тенденции средневековой латыни к смешению всех указательных местоимений, а вместе с ними и относительного *qui*: «*Quo lentius disces, eo fructuosius.*» – Чем медленнее будешь изучать, тем плодотворное обучение (Skovoroda, 1973, p. 222); «*Quamquam ne cum bonis quidem, nisi iis, ad quos tacito sensu a natura es propensus. Haec enim norma optima amicitiae.*» – А из хороших только с теми, к кому в тайниках сердца ты по натуре склонен. Потому что это самая лучшая норма дружбы (Skovoroda, 1973, p. 251); «*Sed quid facias, si mundus hic, id est multitudo hominum e talibus constat?*» – Но что делать, если этот мир, то есть большинство людей, состоит из таких? (Skovoroda, 1973, p. 251).

– замена классического *accusativus cum infinitivo* придаточными изъяснительными с союзами *quod, quia, qualiter* (такое явление становится в этот период универсальным под воздействием языка Библии): «*[...] simplices autem maxime adoriuntur, quod circa hos praedae spes est eis anguidus.*» – [...]особенно нападая на простых – возле них в этих змей есть надежда на добычу (Skovoroda, 1973, p. 252);

– для обозначения цели, помимо классического *ut* (finale), применяются также *quo, quatenus (quatinus), quod, quoad, qualiter* (в этом проявляется стремление разнообразить союзы одного и того же значения): «*Quod autem verti tó «quod ultra est, oderit curare» sic: «не печися на утро», temere improbare noli, licet scio te esse a praediciis alienum.*» – Что касается перевода выражения «*quod ultra est, oderit curare*» словами [«не пейсь на утро»], то

берегись судить его слишком поспешно, хотя я и знаю, что ты далек от предрассудков (Skovoroda, 1973, p. 258).

Приведенные примеры позволяют констатировать, что латинские тексты личной переписки Г.Сковороды – в русле тенденций средневековой латыни – характеризуются значительным упрощением и стандартизацией богатого синтаксического арсенала классического периода.

Таким образом, проведенный анализ латиноязычных эпистолярных текстов Г.Сковороды убедительно демонстрирует, что латынь выступает не столько признаком образованности, сколько естественным языком мышления философа. Употребление это древнего языка, ярко раскрывающее языковую личность великого украинца, отражает прежде всего морально-этический аспект и является своеобразной энциклопедией суждений о путях совершенствования человека с целью получения необходимой идентичности и самозначимости в окружающем мире. Латинский язык украинского мыслителя является «особым цивилизационным явлением, которое универсуализует и синтезирует в себе весь европейский интеллектуальный контекст» (Shevchenko-Savchinska, 2013). Вопросы, затронутые в данном исследовании, не ограничиваются проанализированными произведениями и требуют дальнейшего основательного филологического изучения, ибо «поиски и открытия Сковороды время не сделало философским анахронизмом: он очень многое говорит и еще может сказать нашему современнику» (Loschyts, 1972, p. 218).

References

- Andrushchenko, V. & Peredborska, I. (2009). *Філософія освіти: Навчальний посібник/Philosophy of Education: Textbook*. – К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова. 329 с.
- Barabash, Y. (2007). *Вибрані студії. Сковорода. Гоголь. Шевченко/Selected works. Skovoroda. Gogol. Shevchenko*. – Київ: Академія, – 744 с.
- Barabash, Y. (1989). «Знаю человека...» Григорий Сковорода: Поэзия. Философия. Жизнь/"I know a man ..." Gregory Skovoroda: Poetry. Philosophy. Life. М.: Худож. лит. 335 с.
- Gnatyuk, L. (2004). *Мова Григорія Сковороди: хаос чи система? / Language of Gregory Skovoroda: chaos or system? Культура слова / Culture of speech*. – Вип. 64. – 2004. С. 3–9.
- Korzh, N. (1955). *Место и особенности латинского языка в творчестве Г. Сковороды / Place and particularities of the Latin language in the creative works of G.Skovoroda*: Дисс...канд. филол. наук. – Х. 270 с.
- Losev, A. (2003). *Г.С.Сковорода в истории русской культуры/G.S.Skovoroda in history of Russian culture*. Web page. Retrieved from http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/skovor.php, date: 18.05.2016.
- Loschyts, Y.M. (1972). *Сковорода / Skovoroda*. – М.: Молодая гвардия, 224 с.

- Tsiganok, O.M. (1999). *З історії латинських літературних впливів в українському письменстві XVI-XVIII ст./From the History of Latin literary influences in Ukrainian literature of XVI-XVIII centuries.* – Київ : Педагогічна преса. 104 с.
- Shevchenko-Savchinska, L. & Balashov, K. (2012). *Давня література: з полону стереотипів/Ancient literature: From the captivity of stereotypes.* – Київ: «Медієвіст». 116 с.
- Shevchenko-Savchinska, L. (2013). *Україно-латинський білінгвізм та міра його вияву у латиномовних творах Г. Сковороди / Ukrainian-Latin bilingualism and measure of its expression in Latin works of G.Skovoroda.* Web page. Retrieved from <http://www.medievist.org.ua/2013/04/blog-post.html>, date: 15.05.2016.
- Shevchuk, T.S. (2010). *На перехресті епох: антична література у творчості Григорія Сковороди / At the crossroad of epochs: ancient literature in the creative work of Gregory Skovoroda.* – Ізмаїл: СМІЛ. 360 с.
- Skovoroda, G. (1973). *Повне зібрання творів: У 2-х т./Complete Works: In 2 t.* К.: Наукова думка, – Т. 2. 576 с.
- Ushkalov, L. (2007). *Творчість Григорія Сковороди в дзеркалі статистики/Creative works of Gregory Skovoroda in the mirror of statistics.* Retrieved from <http://www.inst-ukr.lviv.ua/files/23/400Ushkalov.pdf>.